

Ф. Шиллер

**Собрание сочинений в 7
ТОМАХ**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Ш58

Ш58 **Шиллер Ф.И.**
Собрание сочинений в 7 томах: Том 5 / Ф. Шиллер – М.: Книга по Требованию,
2016. – 584 с.

ISBN 978-5-458-68183-4

ШИЛЛЕР (Schiller) Фридрих фон (полное имя Иоганн Кристоф Фридрих)
(10 ноября 1759, Марбах на Неккаре — 9 мая 1805, Веймар), немецкий поэт,
драматург и теоретик искусства Просвещения.

ISBN 978-5-458-68183-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

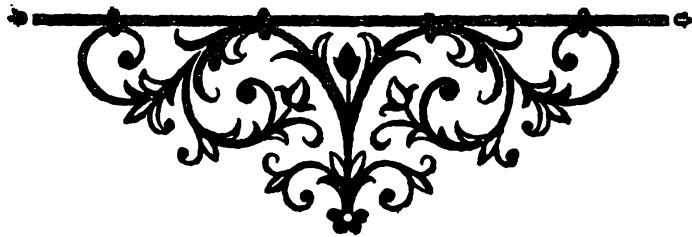
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

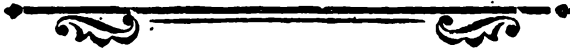

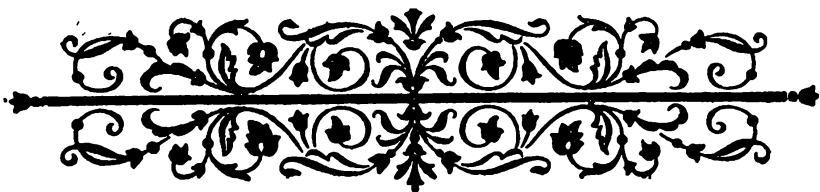
ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

**ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ
ВОЙНА**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

С начала религиозной войны в Германии вплоть до Мюнстерского мира едва ли возможно указать в политической жизни Европы какое-либо значительное и выдающееся событие, в котором реформация не играла бы первенствующей роли. Все мировые события, относящиеся к этой эпохе, тесно связаны с обновлением религии или прямо проистекают из него, и не было ни одного большого или малого государства, которое в той или иной мере, косвенно или непосредственно, не испытало бы на себе влияние реформации.

Свою огромную политическую мощь испанский царствующий дом почти целиком обратил против новых воззрений и их приверженцев. Реформация была причиной гражданской войны, которая в продолжение четырёх бурных правлений потрясала самые основы Франции, вызвала ввод иноземных войск в самое сердце этой страны и в течение полувека делала ее ареной прискорбнейших бедствий. Реформация сделала испанское иго невыносимым для нидерландцев; она пробудила в этом народе стремление и мужество сбросить с себя ярмо; она же более всего дала ему и силы для этого подвига. Все враждебные акты, которые предпринимал Филипп II против королевы Английской Елизаветы,

были мезтью за то, что она защищала от него его протестантских подданных и стала во главе религиозной партии, которую он стремился стереть с лица земли. В Германии последствием церковного раскола было продолжительное политическое разъединение, которое хотя и обрекло эту страну более чем столетней смуте, но зато воздвигло устойчивый оплот против грозившего ей политического угнетения. Реформация была важнейшей причиной вступления скандинавских держав, Дании и Швеции, в европейскую государственную систему, так как союз протестантских государств стал необходимым для них самих. Государства, ранее почти не сносившиеся друг с другом, под влиянием реформации находили весьма важные точки соприкосновения и начали объединяться на основе новой политической солидарности. Подобно тому как граждане вследствие реформации стали в иные отношения к своим согражданам, а государи — к своим подданным, так возникли и новые взаимоотношения между государствами. Итак, по странному стечению обстоятельств церковный раскол привел к более тесному объединению государств. Правда, страшно и губительно было первое проявление этого всеобщего политического взаимного тяготения — тридцатилетняя опустошительная война, от глубин Чехии до устья Шельды, от берегов По до прибрежья Балтийского моря разорявшая целые страны, уничтожавшая урожаи, обращавшая в пепел города и деревни; война, в которой нашли гибель многие тысячи воинов, которая более чем на полвека погасила вспыхнувшую в Германии искру культуры и возвратила к прежней варварской дикости едва зародившиеся добрые нравы. Но свободной и непоработенной вышла Европа из этой страшной войны, в которой она впервые познала себя как целокупную общину государств; и одной этой всеобщей взаимной симпатии государств, впервые зародившейся, собственно, в эту войну, было бы достаточно, чтобы примирить гражданина мира с ее ужасами. Усердный труд постепенно загладил все пагубные ее следы; но благодатные следствия, сопровождавшие ее, укоренились. То самое всеобщее взаимное тяготение государств, вследствие которого толчок

из Чехии сообщился целой половине Европы; охраняет теперь мир, положивший конец этой войне. Как пламя опустошения, вырвавшись из глубин Чехии, Моравии и Австрии, охватило Германию, Францию, половину Европы, так светильник культуры, зажженный в этих трех государствах, озарил все эти страны.

Все это было делом религии. Она одна могла сделать возможным все то, что случилось, но все это произошло далеко не ради нее и не только из-за нее. Если бы вскоре не присоединились к ней частная выгода и государственные интересы, то никогда голос богословов и народа не встретил бы в государях такой готовности, никогда новое учение не нашло бы столь многочисленных, столь мужественных и стойких поборников. Большая доля участия в церковном перевороте принадлежит бесспорно победоносной мощи истины или того, что принимали за истину. Злоупотребления в лоне старой церкви, нелепость некоторых ее учений, непомерность ее требований неизбежно должны были возмутить душу, уже озаренную предвидением лучшего света, должны были склонить ее к обновленной вере. Прелесть независимости, расчет на богатство монастырей должны были внушить владетельным князьям соблазнительную мысль переменить веру и в немалой степени усиливали мотивы, вытекавшие из внутреннего убеждения; но лишь государственные соображения могли принудить их к решительному выступлению. Если бы Карл V, чрезмерно упоенный своими удачами, не позволил себе посягнуть на политическую свободу германских чинов, то едва ли протестантский союз встал бы с оружием в руках на защиту свободы религиозной. Не будь властолюбия Гизов, вряд ли кальвинистам во Франции довелось бы видеть Конде или Колиньи своими вождями; не будь требования десятины и двадцатины, папский престол никогда не потерял бы Соединенных Нидерландов. Государя воевали для самозащиты или ради увеличения своих владений; религиозный энтузиазм набирал им армии и открывал им сокровищницы их народов. В тех случаях, когда массу привлекала под знамена государей не одна лишь надежда на добычу, она верила, что проливает кровь за

правду; на самом деле она проливалась ее ради выгоды своего властителя.

И счастье для народов, что на этот раз выгода государей шла рука об руку с их выгодой! Лишь этому случайному обстоятельству обязаны они своим освобождением от папства. Счастье государей, что их подданный, сражаясь за их интересы, тем самым боролся и за свое дело! В эпоху, о которой идет речь, в Европе не было государя настолько самодержавного, чтобы он, преследуя свои политические цели, имел возможность не считаться с доброй волей своих подданных. А между тем как трудно было привлечь эту добрую волю народа к своим политическим целям и привести ее в действие! Убедительнейшие доказательства, почерпнутые из государственных соображений, нисколько не трогают подданного; он редко понимает их и еще реже связывает с ними свои интересы. В этом случае умелому правителю остается одно: сочетать интересы государства с какими-либо иными интересами, более близкими народу, если таковые имеются, или же создать их.

В таком именно положении находилось большинство государей, вставших на защиту реформации. По своеобразному стечению обстоятельств церковный раскол совпал с двумя политическими явлениями, без которых он, вероятно, получил бы совсем иное направление. Это были: неожиданно возросшее могущество Австрийского царствующего дома, ставшее угрозой для европейской свободы, и ревностная преданность этого дома старой религии. Первое разбудило государей, второе вооружило для них подвластные им народы.

Упразднение чужой юрисдикции в их государствах, приобретение высшей власти в делах духовных, сокращение постоянного отлива денег в Рим, расчет на богатую добычу от церковных владений — таковы были выгоды, одинаково соблазнительные для всякого властелина. Почему, можно спросить, не оказали они такого же действия на государей Австрийского дома? Что мешало этому дому, в особенности его германской линии, внять настоятельным требованиям столь многих своих подданных и по примеру других властителей улучшить свое положение за счет беззащитного духовен-

ства? Маловероятно, что убеждение в непогрешимости римской церкви играло в благочестивой стойкости этого дома большую роль, нежели убеждение в противном — в отпадении протестантских государей. Много побудительных причин соединилось для того, чтобы сделать австрийских государей опорой папства. Испания и Италия, откуда австрийская держава черпала значительную долю своей мощи, были привержены папскому престолу со слепой преданностью, особенно отличавшей испанцев еще во времена готского владычества. Малейшая склонность к ненавистным учениям Лютера и Кальвина должна была навек отвлечь от повелителя Испании сердца его подданных; разрыв с папством мог стоить ему этого королевства. Испанский король должен был оставаться католическим государем или сойти с престола. То же самое обязательство возлагали на него и итальянские владения, население которых он, пожалуй, вынужден был падать еще более, чем испанцев, так как оно всего нетерпеливее сносило иноземное иго и всего легче могло его свергнуть. Ко всему этому присоединилось то обстоятельство, что в обеих странах Франция являлась его соперником, а папа соседом — достаточно важные препятствия к тому, чтобы объявить себя сторонником партии, стремившейся к уничтожению авторитета папы, достаточно веские основания для того, чтобы действительной преданностью старой религии снискать благосклонность папства.

Эти общие причины, которые должны были иметь одинаковое значение для каждого испанского монарха, находили у каждого поддержку еще по особым мотивам. У Карла V. имелся в Италии опасный соперник в лице короля французского, в объятия которого эта страна бросилась бы, как только Карл был бы заподозрен в склонности к ереси. Недоверие католиков и распря с церковью особенно препятствовали бы Карлу в тех замыслах, которые он ревностнее всего стремился осуществить. Когда Карлу пришлось выбирать между обеими религиозными партиями, новая вера не успела еще приобрести значение в его глазах; к тому же тогда имелись еще весьма основательные надежды на полюбовное соглашение церквей. В его сыне и наследнике,

Филиппе II, монашеское воспитание в соединении с мрачным деспотическим характером поддерживало непримиримую ненависть ко всяким новшествам в делах религии; а то обстоятельство, что злейшие политические противники этого государя были в то же время врагами его религии, едва ли могло ослабить эту ненависть. Так как его европейские владения, рассеянные среди столь многих иностранных государств, были повсюду открыты воздействию чужих воззрений, то он, разумеется, не мог равнодушно взирать на успехи реформации в других странах, и кровные государственные интересы заставляли его принять сторону старой церкви для того, чтобы заглушить самые источники еретической заразы. Таким образом, вполне естественный ход вещей ставил этого государя во главе католичества и союза, заключенного папистами против сторонников новшеств. То, что проводилось во время долгих, отмеченных энергичной деятельностью правлений Карла V и Филиппа II, осталось законом и для следующих, и чем более усиливался раскол в лоне церкви, тем крепче должна была Испания держаться католицизма.

Германская линия Австрийского дома была по видимости свободнее; но если многие из этих препятствий были для нее несущественны, то ее сковывали другие отношения. Корона Священной Римской империи, совершенно немыслимая на голове протестанта (ибо как мог отступник от римской церкви носить римскую императорскую корону?), связывала преемников Фердинанда I с папским престолом; сам Фердинанд по своим религиозным убеждениям был искренно предан этому престолу. К тому же германо-австрийские государя не были достаточно сильны, чтобы обойтись без испанской поддержки, которой они неминуемо лишились бы, если бы стали покровительствовать новой религии. С другой стороны, их императорский сан заставлял их встать на защиту германской имперской системы, которая была основой их власти и которую стремилась разрушить протестантская часть империи. Если прибавить к этому равнодушие протестантов к стесненному положению императоров и к общим опасностям,